

Сергей Галихин

Поваренная книга Мардагайла

«Галихин Сергей »

2005

Галихин С.

Поваренная книга Мардагайла / С. Галихин — «Галихин Сергей », 2005

«— Какого дьявола мы ждем? – крикнул Взбрык с порога кают-компании. Его визийское имя полностью соответствовало смысловому значению на русском языке. Внешне Взбрык сильно напоминал кузнечика: чуть меньше двух метров, конечности вытянутые. На Алатане он был математиком, младшим советником ученого совета планеты. – Нужно садиться на Иртук. Там хотя бы есть пища...»

Сергей Галихин

Поваренная книга Мардагайла

– Какого дьявола мы ждем? – крикнул Взбрык с порога кают-компании. Его визийское имя полностью соответствовало смысловому значению на русском языке. Внешне Взбрык сильно напоминал кузнечика: чуть меньше двух метров, конечности вытянутые. На Алатане он был математиком, младшим советником ученого совета планеты. – Нужно садиться на Иртук. Там хотя бы есть пища.

«Ну вот и началось», – подумал я и чуть приоткрыл глаза.

– А ты уверен, что твой желудок ее переварит? – спросил Люч. Не пожилой, но уже в возрасте, шаршаг. Грушевидное тело, шесть ног, четыре руки. Девятнадцать очень маленьких глаз. Профессор биологии с планеты Шоломит. Руководитель нашей экспедиции. Последней экспедиции космической станции «Сателлит-38».

– Чей-нибудь, переварит... – с сомнением ответил Взбрык. – Здесь-то нас что ждет? Голодная смерть? Я вообще не понимаю всеобщего бездействия. Сергей, нужно что-то делать.

Я сижу на полу, прислонившись спиной к мягкой стене кают-компании. Из двенадцати ламп горят только четыре, и те вполнакала. Лица коллег словно скрыты кисеей, их фигуры, ставшие привычными за полгода общения, кажутся чужими, нереальными.

Открываю глаза и лениво поворачиваю голову.

– Что ты предпочел бы сделать?

По кают-компании прокатывается легкий смешок.

– Ну... Это тебе видней. Ты же инженер.

Самое противное, что Взбрык все прекрасно понимает, но все равно два-три раза в день достает меня предложением что-то сделать.

– Хорошо. Давайте еще раз подумаем, – сказал я, усаживаясь поудобней. – После аварии на космической станции «Сателлит-38» в живых остались семь членов экипажа. Мы потеряли восемь андроидов, практически все оборудование. Запасы воды и пищи ничтожны. Уцелели: отсек с каютами членов экипажа, столовая, тренажерный зал, кают-компания, медицинский бокс и морг... То есть весь жилой модуль. Антенна космической связи жилого модуля повреждена взрывом, усилитель выведен из строя. Компьютер непрерывно посылает сигналы бедствия на всех частотах, но... глупо надеяться, что их уловят дальше чем за пять парсеков. К тому же, у нас нет обратной связи. Если нас кто-то и услышит, мы этого не узнаем.

– А как же посадочные капсулы? – не унимался Взбрык.

Я кивнул головой и продолжил.

– У нас есть четыре аварийных посадочных капсулы. Но нет ни одной жилой. Даже если мы совершим благополучную посадку на планету, развернуть там лагерь не сможем. Сколько мы протянем в замкнутом пространстве посадочной капсулы? Я думаю меньше, чем на осколке станции. Гораздо меньше. К тому же здесь мы все вместе. А это тоже чего-то да стоит. Ты считаешь, что нам не стоит сидеть без дела. В чем-то ты прав. Жизнь – в движении. Только не в нашем случае. У нас мало пищи. Так что рекомендую поберечь энергию.

– Думаешь нас спасут? – спросил Дершог. Астрофизик с планеты Таркара. Волк прямоходящий.

– Я думаю, что стоит на это надеяться. И мне кажется важным сказать вот еще что. Сохраняйте спокойствие. Паника – страшный враг. Как заместитель руководителя космической станции «Сателлит-38», ответственно заявляю: тот, кто начнет паниковать – будет изолирован в своей каюте. В первую очередь это касается тебя, Взбрык.

– Ты считаешь, что я сею панику?

– Считаю.

– И он прав, Взбрык, – сказал Люч. – Успокойся, или мы тебя запрем. Я уверен, шансы на спасение у нас есть. Через секунду после аварийной изоляции горящих отсеков бортовой компьютер начал посылать сигнал бедствия. До взрыва у него было достаточно времени.

– Но у нас практически нет пищи! Прошло три дня. Сколько мы протянем на остатках биологической массы? Неделю? Полторы? А что мы будем делать дальше?

– А дальше мы сожрем тебя, – я стараюсь говорить тихо, но как можно убедительнее. – Во-первых, пища. Во-вторых, тишина.

Все снова хихикают. Взбрык, похоже, начинает осознавать, что последнее время надоедает своей болтовней больше обычного.

– Действительно, Взбрык, ты думаешь только о худшем варианте, – сказал Дельф. Наш врач. Толстый, мохнатый, полутораметровый медвежонок с планеты Шалонг. Больше похожий на плюшевого, чем на настоящего. – Нас может услышать какой-нибудь корабль, проходящий поблизости. Тебе нужно отвлечься. Нам всем нужно отвлечься. Давайте сыграем, что ли, во что-нибудь...

Все, как будто, поддерживают эту идею, перебираются за большой круглый стол. Все кроме Маринга – нашего геолога, с планеты Серкупис. Сутулый, узкоплечий, двухметровый риарвон, голова как у черепахи срослась с шеей, висит ниже плеч. Рот с костяными наростами там, где по идее должны быть губы, больше напоминает клюв. Четыре глаза изредка произвольно лениво моргают. Если убрать конечности, Маринга можно принять за толстого червя. Он, как и прежде, тихо сидит в своем любимом кресле, в дальнем левом углу.

– Сергей, присоединяйся, – машет мне Люч.

Я отрицательно качаю головой, снова закрываю глаза и прислоняюсь затылком к мягкой стене кают-компании. В моем мозгу, словно закольцованный видеоролик, снова и снова прокручивается катастрофа. Это похоже на наваждение. Я ничего не могу поделать...

Слышу какое-то оживление, открываю глаза. За столом никто не играет. Но галактическая сборная ученых вроде бы приободрилась. «О чем же они разговаривают? – Прислушиваюсь... – Идиоты! На станции есть практически нечего, а они завели треп о кулинарии».

– ...когда пассируешь ватункок, самое главное равномерно помешивать в течении пятнадцати минут, – рассказывает Дельф.

– Ерунда все это, – перебивает Дершог. – Вы просто никогда не пробовали тушеного артулунка. Это просто песня. Главное – не суетиться и терпеливо выполнять все операции. Берешь спинку артулунка и вымачиваешь ее в соусе...

Дершог замолчал на полуслове. Ученый мир медленно повернул головы и посмотрел на Патакона. Пухленький, розовый артулунк (наш химик с планеты Цыкип, не будь прямымходящим и не имей продолговатой, овальной головы, – вылитый поросенок) весь съежился, словно надеялся остаться незамеченным, если будет меньше... Конечно же это была шутка. Но в нашей ситуации уж очень сильно она выглядела как толстый намек на тонкие обстоятельства.

– Извини, я... не хотел... – неловко сказал Дершог. Патакон молчит. Если бы у него был с собой «шелест», я бы подумал, что он под столом снимает его с предохранителя.

– Ну, не подумал, что уж теперь!.. Мы действительно ели артулунков. Только это было на Гольтикапе. На Гольтикапе артулунки не обладают интеллектом, не умеют разговаривать, ходят на четырех конечностях и ведут стадный образ жизни! Кто мог представить, что где-то во вселенной живут артулунки, которые не то что разговаривают, а успешно осваивают галактику?

Артулунку эти доводы как будто казались неубедительными. Он как прежде сидел и тихо посапывал.

– Ну, хочешь, я отдам тебе свой жог?! – как последний аргумент предложил Дершог.
– Хочу, – спокойно ответил Патакон.

Жог у таркаров считается священным оружием. Он похож на обрез обычного охотничьего ружья, разве что трехствольный.

Дершог на мгновение задумался. Очевидно, предложение было сделано сгоряча, под властью эмоций.

– Еще чего, – говорит Дершог. – Ты же никогда не убивал. Ты не знаешь, что это такое – отобрать жизнь. Нервная система у тебя тонкая. Сначала пристрелишь меня с перепугу, а потом совсем слетишь с катушек и начнешь убивать всех подряд.

– А ты убивал, – так же спокойно говорит Патакон. – Ты знаешь, как это сделать быстро. Ты привык убивать, чтобы выжить. Ведь ты не будешь долго сомневаться...

– Первый, кто нажмет на курок, отправится к праотцам, – объявляю я.

Таркары носят свои обрезы как дань ритуалу. Надежное, мощное оружие, с хорошей убойной силой, но по сравнению с моим плазменным «шелестом» – просто игрушка.

– Всех касается, – повышаю я голос. – Бардака не допущу. Независимо от моего отношения к кому бы то ни было из вас. Если возникнет необходимость, пристрелю даже Люча.

– А если жертвой окажется Сергей, – добавляет Люч, – это сделаю я. И лучше выкинуть из мозгов даже теоретические размышления о том, что кто-то успеет выстрелить дважды.

– Минуточку, – сказал Дершог. – Кроме вас двоих, оружие на станции есть только у меня. Вы что, действительно меня подозреваете?

– Тебе не кажется, что в сложившейся ситуации лучше отдать жог? – спросил я. – Кого тебе здесь бояться?

– Я никого не боюсь, – ответил Дершог. – Забрать у таркара его жог можно только в одном случае. Если он мертв.

– А зачем оружие Сергею и Лючу? – спросил Патакон.

– Я согласен, – поддержал его Взбрык. – Ситуация щекотливая. Нужно все оружие, которое есть на станции, выбросить в открытый космос.

– Хорошо, – говорит Люч. – Мы выбросим все оружие.

В кают-компании повисла тишина. Забрать жог у таркара... Чем не повод, чтобы открыть стрельбу. Не со зла. Нервы...

Смотрю на Дершога.

– Только не нужно намекать, что ты заберешь жог у трупа, – сказал Дершог и бросил на стол свой трехствольный обрез. Бросил с такой легкостью, что у меня даже закралось подозрение: нет ли у него еще одного?

Я не стал обдумывать эту идею. Просто забрал жог и мы все пошли к мусорной камере, после чего было решено устроить внеплановый прием пищевого белка – единственного съестного, что у нас осталось. Это помогло немножко сбить градус напряженности.

О сытости говорить не приходилось, но все-таки пища в желудке. Настроения общаться не было вовсе, и я почти сразу ушел в свою каюту.

Кусок пространства площадью в восемнадцать квадратных метров и потолком два тридцать... Я так привык к нему, что он стал мне родным. Здесь я чувствовал себя почти так же комфортно, как в своем двухэтажном кирпичном доме в Рыбинске, на берегу водохранилища. Стоя у иллюминатора, долго смотрю на бездну, усыпанную мириадами звезд. Я готов расцеловать того, кто предусмотрел иллюминаторы в жилых каютах. Если бы их не было, в замкнутом пространстве космической станции можно запросто сойти с ума. После катастрофы... Когда надежда на спасение так мала... До ближайшей обитаемой планеты четырнадцать парсеков, но расстояния не имеют значения. Стоя у иллюминатора и вглядываясь в звезды, чувствуешь себя причастным к огромной Вселенной, а не джином, законопаченным в бутылке, выброшенной в океан.

Я лег на кровать, заложил руки за голову и закрыл глаза. От голода болела голова. Не сильно, но противно.

Странный в кают-компанин получился разговор. Болтали ни о чем, а через минуту все поверили, что астрофизик может съесть химика. Умные и образованные, а поверили. Голод не тетка.

«Так что же теперь, каждый сам за себя?»

В дверь каюты постучали.

– Заходи, – крикнул я и открыв глаза повернул голову. Дверь отползла в сторону и через пару секунд закрылась за спиной Дершога.

Я прилетел на станцию шесть с половиной месяцев назад. Дершог был здесь уже более двух лет.

– Я помешал? – неуверенно спросил Дершог.

– Нет.

Я сажусь на кровати, Дершог, перетаскив вертящееся кресло от стола на середину каюты, сел в него.

Он баламут и весельчак. Я в меру смурной здоровый циник. Мы почти сразу же стали приятелями. Возможно, от того, что как две противоположности прекрасно дополняли друг друга. А может, потому что оба ненавидели политкорректность, возведенную на станции почти в ранг закона, считая ее обычным лицемерием. Если Взбрык был кузнечиком, пусть очень здоровым, а Люч – комком биомассы, мы их так и называли: комок и кузнечик.

– Как-то по-дурацки вышло в кают-компанин, – сказал Дершог, оттолкнулся лапой от пола и начал медленно вращаться. – Сколько раз говорил себе: с чужими о блюдах из инопланетных существ не разговаривать...

– Ты своих-то когда последний раз видел?

Дершог запнулся.

– Значит вообще не разговаривать. Одни едят букашек, другие на них молятся. Запросто можно перепутать первых со вторыми.

– Не бери в голову, – я попытался его успокоить. – Просто все на взводе. Мы можем и не дожидаться спасателей. С голоду не умрем, так жилой модуль рассыплется.

– Ты думаешь? – насторожился Дершог.

– Внешняя антенна повреждена осколком взорвавшейся станции. Глупо надеяться, что он был единственным. Значит, где-то есть еще повреждения. Могут быть.

– Ты прав. Станцию не мешало бы обшарить.

– Заодно Взбрык успокоится. Ему просто необходимо чем-то заняться.

– Этот не успокоится. По определению беспокойный.

Я усмехнулся. Он был прав.

– Я чего пришел-то... – Дершог остановил кресло и чуть подался вперед, – Был тут на станции один из ваших, из землян. Моисеич. Отвечал за снабжение станции. Лет пять здесь кантовался. Полтора года назад умер от инфаркта. Страсть у него была. Библиотека.

– Я так и думал. Подборка хорошая. Языков много. Чтоб такую библиотеку собрать – нужно душу вложить.

– У него была книга... – продолжил Дершог, – грязенькая такая... купленная им давно, кажется где-то у Сириуса... В этой книге на галактическом языке были описаны практически все рецепты всех разумных существ в галактике.

– Не может быть, – я качнул головой. – Ты представляешь сколько в галактике форм жизни? А сколько разумных? А сколько у них своих рецептов? Только на Земле томов десять наберется. А мы, заметь, не самые чревоугодники.

– Я неправильно выразился, – сказал Дершог. – Рецепты приготовления разумных существ.

– Все равно не понял.

– Там написано как приготовить разумное существо, чтобы со вкусом его сожрать. Гуманоиды, парнокопытные, артулунки, рыбы, птицы. Один и тот же вид, обитающий в созвездии Цефея и Телескопа может отличаться уровнем своего развития. Так уж получилось, что в одно время один вид ел другой на одной планете, в другое – второй ел третий на другой планете. Факт в том, что в принципе все и всех когда-то ели.

– Идиотизм, – только и смог сказать я. – Зачем ему была нужна эта книга?

– Он считал ее очень важной для воспитательных целей. Чтоб не зарывались. Уважали друг друга. В том смысле, что когда-то и где-то, как он говорил, каждый из нас может быть едой, а потом и дерьмом.

Я молчал. Эта новость не дала мне никакой мысли. Скорее всего, книга была кем-то просто выдумана от начала и до конца. И в ней не было ни слова правды.

– Да нет, я не думаю, что в ней есть какая-то полезная информация.

– Не скажи, – протянул Дершог. – Сейчас они, – он показал лапой на дверь за спиной, – ошарашены возможным развитием событий. И больше всего их пугает не то, что их может кто-то сожрать, а то, что жрать придется им. Воспитанным и образованным. Жрать другого воспитанного и образованного. А вот когда они очухаются и обдумают все трезво, начнут искать информацию, кому кого можно сожрать и при этом не умереть. Из чувства безопасности они это сделают или из-за голода – вопрос десятый. Но если они найдут книгу... тут такое начнется...

Дершог замолчал.

И самое смешное, я ему поверил. Если эта книга есть в библиотеке и кто-то из ученой братии о ней знает, он непременно вспомнит и попытается ее отыскать. Хотя бы для того, чтоб убедиться, что в ней написана полная чушь.

– У меня осталось по глоточку граппы, – говорю я.

– Было бы неплохо, – как и прежде весело отозвался Дершог, потирая лапы.

Я поднялся с кровати, выдвинул нижний ящик стола и достал практически пустую бутылку. Окинув каюту взглядом и не отыскав ничего даже близко похожее на стакан, я махнул рукой, открутил пробку и протянул бутылку Дершогу. Он запрокинул голову, отлил ровно половину в пасть, сделал глоток, закрыл глаза и передал бутылку мне. Я допил граппу, закрутил пробку и, положив бутылку на место, вернулся на кровать.

Пустой желудок отреагировал на алкоголь почти мгновенно. Мы молча сидели и думали каждый о своем. Дершог снова начал медленно вращаться в кресле. Опыянение будет очень коротким, но сейчас это неважно. Хотя бы на полчаса, хотя бы на пять минут вырваться из тисков безысходности.

– Когда я неосторожно ляпнул о тушеном артулунке, – говорит Дершог, – мне было даже стыдно. Как будто я пришел в гости и сказал хозяину, что у него некрасивая жена. Понимаешь... Я уже шестьдесят лет не охотился. Я ничего не забыл, инстинкты невозможно забыть. Я просто отвык убивать.

– Зачем ты мне это рассказал?

– Ты, наверное, думаешь, смогу я сдержаться или все-таки сожру Патакона?

«Хороший вопрос. Что тут можно ответить?»

– А ты на моем месте об этом не подумал бы? – осведомился я.

– На твоём? Нет. Но ты подумал, – скорее утвердительно, чем вопросительно заявил Дершог. Я кивнул головой. – Это неважно. Я не думаю, что у тебя вдруг сдадут нервы. А вот остальные... За них я бы не поручился.

– Ты кого-то боишься? – снова спросил я.

– Я никого не боюсь. Но если на станции начнется охота, я не стану запираяться в каюте и повторять себе: не ввязывайся, ты цивилизованный таркар. В природе выживает сильней-

ший. Сейчас все, кто есть на станции, мои коллеги. Математик, физик, геолог, врач... Но если начнется охота, я так и останусь астрофизиком, а они станут завтраком астрофизика.

– А я?

Дершог улыбнулся.

– Человек и таркар – два биологических вида, ДНК которых находятся по отношению друг к другу как будто в зеркальном отражении. У нас разная хиральность. Наши ДНК закручены в разные стороны. – Дершог видит, что я ничего не понимаю и пытается объяснить: – Представь правый ботинок на левой ноге. На макроуровне это не так сильно заметно, но вот на уровне химических процессов большие осложнения. Та же ситуация у половины наших коллег.

Он посмотрел так, что кровь застыла в моих жилах.

– Спасибо за граппу, – улыбнулся Дершог, поднялся из кресла и вышел из каюты. Я молча проводил его взглядом.

«Зачем он приходил? Зачем рассказал мне про книгу? Чтобы я нашел ее, понял, что он меня не сожрет и не боится? Или он действительно опасается, что кто-то его прикончит, как только узнает, что тушку таркара можно есть без уксуса и чеснока? А может он хочет, чтобы кто-то нашел книгу, и мы разделились на два лагеря? Ведь он привык воевать за своих, против чужих. Ему так проще. Сейчас же получается все против всех. А так он не привык... Зачем так сложно? Мог прямо сказать мне, что книга там-то. Ее нужно взять и перепрятать. Я не могу, потому что меня и без нее все боятся, а ты дерзай, спасай остатки экспедиции от междоусобицы. А если это подстава? Я найду книгу, он узнает об этом, или я сам ему расскажу, спрячу ее в каюте. Он приведет обезумевших от страха и голода ученых и...»

О, Господи... Что я несу? Как же мало нужно человеку, чтобы заподозрить ближнего в подлости...»

Я встал с кровати, натянул теплый комбинезон – на первой палубе наверняка будет холодно – и вышел из каюты. Коридор был пуст. Редкие лампочки под потолком уныло горели вполнакала. В этом полумраке я пошел в библиотеку. Очень скоро, сам не заметил когда, начал ступать осторожней, стараясь не шуметь. Проходя мимо санчасти, через неплотно закрытые жалюзи, я увидел Маринга, сидевшего за компьютером и неспешно стучавшего кривым, узловатым пальцем по одной и той же клавише.

В коридоре мне никто не встретился.

Я открыл переходной люк и спустился по ступеням почти вертикального трапа. На первой палубе коридоры были поуже, не более двух метров в ширину, против трех на второй и третьей палубах; потолок, как и везде на станции, два тридцать. Здесь действительно было прохладнее. Проектировщики отвели первую палубу для нежилых помещений. Система жизнеобеспечения проанализировала нехватку энергии и ограничила их отопление. Свернув направо, я быстро дошел до двери библиотеки и нажал кнопку ключа. Дверь, шумно отдуваясь, медленно отползла в сторону. Белым светом вспыхнули лампы освещения.

Небольшая, в тридцать квадратных метров, комната с круглым пластиковым столом посередине, рядом три стула, вдоль стен стеллажи с книгами.

Я провел ладонью по корешкам книг, подошел к столу и, подбоченясь, окинул библиотеку взглядом: «Ну и где искать?» Стеллажи были забиты до отказа. От пола и до потолка. Никакой классификации, никаких разделов. Дершог сказал грязненькая... Я подошел к крайнему стеллажу и заскользил глазами по полкам. Вытащил книгу. «Особенности развития раннеригейской цивилизации». Вернул книгу на место. Следующая полка. Затем еще одна. Второй от края – толстенный, замусоленный том. Тащу на себя... В моих руках книга рассыпается, листы планируя разлетаются на пару метров. Смотрю на обложку. «Драгоценные камни и металлы, редкие полезные ископаемые планет галактики». Усмехаюсь. Сажусь на корточки, собираю разлетевшиеся листы. Не утруждая себя очередностью, равняю их и

ставлю книгу на место. Отхожу на пару шагов, смотрю на верхние полки. Больше на стеллаже ничего интересного нет. Большинство книг имеют темно-синий, темно-коричневый или просто темный цвет обложки.

За спиной шипит дверь. Я оборачиваюсь. На пороге стоит Взбрык. Спрашивает:

– Решил развеяться? Что ищешь?

Он пытается сделать вид, что не удивлен, обнаружив меня в библиотеке, но это у него плохо получается.

– Сам не знаю, – отвечаю я. – Шарю глазами по полкам, надеюсь за что-нибудь зацепиться...

Взбрык проходит к четвертому стеллажу и почти сходу берет с полки серый том, заляпанный не то кофе, не то пищевым белком. Не знаю почему, но чувствую разочарование, зависть и страх одновременно.

– Ты лучше делом займись, – говорит Взбрык и, прижимая книгу к груди, пытается выйти из библиотеки. – Кроме тебя мне здесь не на кого надеяться. Ты один знаешь станцию как свои пять пальцев.

– Это не станция, а ее осколок, – разыгрывая недовольство, я делаю несколько шагов в сторону и пытаюсь задержать Взбрыка в библиотеке. – Единственное, что я могу предложить, – пытаюсь прочесть на обложке название, но его не видно, – это всем вместе обшарить все три палубы.

Взбрык больше не пытается выйти. Похоже, я его озадачил. Он опускает книгу.

– Ты думаешь, есть опасность?

Прежде чем он успевает убрать книгу за спину, я разбираю название: «Как из камня получить воду».

– Осторожность никогда не помешает. Дефектоскопия внешней обшивки при помощи трехмерного сканера штука несложная. Если есть повреждения...

– Я иду к Лючу, – не дает мне договорить Взбрык. – Нельзя терять ни минуты.

Он отстраняет меня и быстро выходит из библиотеки. Я несколько секунд стою, бесцельно разглядывая закрытую дверь, после чего возвращаюсь к своим поискам.

Прошло сорок минут. Я обшарил треть библиотеки, внимательно прочел названия попавшихся мне книг, результат нулевой. В моей голове появляются всякие мысли: «А была ли эта книга вообще? Может Дершог подглядывает за мной и посмеивается над легковерностью человека. Такие шуточки в его духе».

За спиной снова шипит дверь. Оборачиваюсь. На пороге стоит Патакон. Он не удивлен встречей, а расстроен. Его маленькие напуганные глаза начинают бегать, словно ищут спасения.

– Маринга здесь не было? – спрашивает он. Но уж как-то неуверенно спрашивает и смотрит на полку, о которую я опираюсь рукой.

– Нет, – отвечаю я, совершенно забыв, что видел его в санчасти.

Секундное замешательство.

– Где же он? – разворачиваясь, бормочет Патакон и уходит. Прежде чем закрывается дверь, я успеваю расслышать: – От станции клочок остался, так он и здесь умудряется потеряться.

Это правда. На станции Маринг славится тем, что его никто никогда не может найти. Хотя почему на станции? Взбрык говорил, что они с ним и раньше работали, когда Галактический совет пытался изучить структуру астероида Жикху. Так Маринг и на боевом звездолете умудрялся исчезать из поля зрения общественности.

Вот только не верю я, что Патакон искал Маринга. На ходу придумал. Увидел меня и растерялся. Стоп. Он испугался увидев меня возле книги. Я оборачиваюсь и начинаю читать

корешки. Ничего интересного. Сплошные хроники. История мертвых цивилизаций. Я пытаюсь вернуться в ту ситуацию. Снова опираюсь о полку, смотрю на дверь.

От мелькнувшей догадки у меня перестает болеть голова: «Идиот! Просто клинический случай! Таркары и шиконы дальтоники. Это знает каждый студент-первокурсник Академии космонавтики. Для Дершога любая цветная обложка будет заляпана грязью». Смотрю на полку. Внутри меня что-то обрывается. Указательный палец смотрит на высокий словно звездный атлас, толстенный фолиант. Блестящая глянцевая обложка, пестрые разноцветные разводы. На корешке нет надписи. Тащу на себя... «Белые страницы». Раскрываю. Страницы действительно белые. На них нет даже номеров. Открываю книгу с конца. Выходные данные издательства и типографии отсутствуют. Смешно. Может показалось? У Патакона глаза всегда испуганные.

Дверь опять шипит и ползет в сторону. Поднимаю сначала глаза, затем голову. В библиотеку заходит Люч.

– Инспекцию модуля ты придумал, чтобы чем-то занять Взбрыка или на самом деле считаешь, что в этом есть необходимость?

– И то и другое. И третье, – отвечаю я, а сам уже машинально начинаю анализировать его слова, интонацию, взгляд, жесты.

– Конкретней.

– Кроме оценки безопасности нашего положения, я думаю, нам не мешало бы точно знать чего и сколько есть в жилом модуле. Все время после взрыва мы лишь грустили о случившемся и строили догадки: успеют нас спасти, прежде чем мы загнемся, или нет. В посадочных модулях, если их не разукomплектовали после переноса программы спуска на четвертый квартал, может быть небольшой запас воды, возможно сухие пайки. Нужно обшарить все закоулки. Лишним это не будет, уверяю тебя.

Люч задумался. Или нет? Только сделал вид, что задумался?

– Ты прав. Вместо того, чтобы пытаться прожить как можно дольше, мы начали думать как будем выглядеть на похоронах.

Его взгляд мазнул по книге в моих руках и ушел в пространство мимо меня.

– А ты чего здесь ищешь?

«Ха! Это действительно становится забавным. Осталось Дельфу зайти в библиотеку, и я поверю Дершогу, что поваренная книга существует. Хотя нет. Я ему уже и так верю».

– Искал что-нибудь почитать, – отвечаю я, а сам пытаюсь не улыбаться. – Смотри какую забавную вещицу нашел.

Я показываю Лючу книгу с чистыми страницами. Он берет ее, открывает и тут же возвращает мне.

– Я ее видел. И что тут забавного?

– Понимаешь, есть Красная книга, в нее занесены исчезающие виды животных. Есть Черная, там мертвые планеты и потухшие звезды. А это Белая. Теоретически она бесполезна, но она заявлена как «Белые страницы», и внутри у нее белые страницы. То есть книга с абсолютно чистыми страницами.

– Что может быть глупее книги, в которой не написано ни одного слова?

– Так в этом-то и есть вся забава.

– Странный у вас на Земле юмор. Боюсь мне не понять, – качает головой Люч. – Через полтора часа соберемся в кают-компании.

Я киваю головой. Люч выходит из библиотеки, а я возвращаюсь к поискам.

Проходит еще двадцать минут. Я держу в руках толстый, увесистый том, не решаясь заглянуть в него. «Поваренная книга Мардагайла». Обложка действительно заляпана грязью. Обычной дорожной грязью. Да еще пара масляных пятен.

Читаю титульный лист:

«Мардагайл – «человек-волк». В армянской мифологии человек-оборотень, обладающий способностью превращаться в волка. Согласно поверьям, Бог, желая наказать кого-либо, заставляет отведать предназначенную для Мардагайла пищу (которая сыплется с неба подобно граду). После этого сверху на него падает волчья шкура, и он становится Мардагайлом, бродит ночью вместе с волками, пожирает трупы, похищает детей и раздирает их. Днем Мардагайл снимает с себя шкуру, прячет ее и принимает свой обычный облик».

Оптимизма не добавляется.

Открываю оглавление. Раздел «Гуманоиды». Фербийцы, аранки, люди, анникулы...

Среда обитания... Особенности питания... Пробегаю глазами главу «Люди»... Плоть белковая, сладковатая, питательная. Небезопасно для жизни употребление блюд, приготовленных из шаргашей, таркаров, ликапанов. Допустимо употребление блюд, приготовленных из риарвонцев, визийцев, людей... Способы приготовления...

Быстро захопываю книгу, словно умру, если прочту хоть слово из рецептов. На лбу выступает холодный, липкий пот. Резко оборачиваюсь и смотрю на дверь: «Блокировать? Невозможно. Да и глупо».

Сажусь за стол, начинаю суетиться. Плохо, но ничего не могу поделать. Ищу артулунков. Вот они. Совместимость: люди, таркары, риарвонцы. Не зря Патакон боялся...

Теперь очередь Люча. Смотрю оглавление, открываю на нужной странице. Совместимость: визийцы... артулунки...

Я проверил всех. Всех, кто был на станции. Сначала проверил, кто кого может съесть. Затем по второму кругу, теперь кто кем может быть съеден. Из всего этого я выяснил, что в нашей компании в принципе каждый может оказаться чьим-то ужином.

– Твою мать, – тихо, но с чувством сказал я.

Из библиотеки быстро иду к себе в каюту. В моих руках «Поваренная книга Мардагайла». Надеюсь, что в коридорах никого не встречу. В санчасти сидит Патакон и, методично постукивая по клавишам, неспешно листает в компьютере какие-то документы. Не придаю этому большого значения, стараюсь быстрее дойти до каюты. Все мысли возвращаются к одному: «На этом осколке станции сплошные повара и продукты. В зависимости от того, кто решит отобедать первым. Но и те и другие практически не ели уже несколько дней. Дальше будет хуже».

Захожу в каюту, блокирую дверь изнутри. Закрыв глаза, прислоняюсь к ней спиной. Слышу как в висках стучит кровь. «Нет, это не страх, – успокаиваю себя. – Это общая слабость из-за голода. Нужно делать меньше движений. Беречь силы».

Открываю глаза, осматриваю каюту требовательным взглядом. Думаю: «Куда бы спрятать книгу? Подальше положишь – поближе возьмешь. Сложнее отыскать то, что на виду. Что выбрать?» На столе здоровенная гора: бумаги, книги, рядом проекционные пленки. Засовываю поваренную книгу, развернув ее корешком к стене, в самую середину, между каталогом «Устаревшие кремниевые микросхемы и их аналоги» и справочником «Техника безопасности при работе с высоким напряжением». Отхожу на пару шагов, смотрю. Нормально так лежит, в глаза не бросается. Перевожу взгляд на часы...

В кают-компаний уже все собрались, ждали только меня. Я прохожу к удобному, глубокому креслу и буквально падаю в него. Сразу хочется закрыть глаза и заснуть.

– Ну что же, – начинает Люч. – Все в сборе. Сергей высказал одно предположение, как мне кажется очень дельное. Прошу. – Люч садится в свое кресло.

– Можно я не буду вставать? – спрашиваю я и не дожидаясь ответа. – Спасибо. Ситуацию вы знаете. Мы в заднице. В глубокой. Нам практически нечего есть, нам практически нечего пить. В принципе, на самом минимуме мы сможем продержаться месяц, но к этому...

– Не все, – перебивает меня Дельф. – На станции представители разных видов. Без пищи кто-то продержится дольше, кто-то меньше, но для всех с уверенностью могу обещать лишь три недели.

Я кивнул и продолжил.

– Получить к этому времени помощь вполне реально, главное чтобы услышали поданный нами сигнал бедствия. А его наверняка услышали. Я в этом уверен. Но кроме голода и жажды нам может угрожать и сам жилой модуль. Автоматика отстрелила его за две секунды до взрыва. Вы знаете, что осколки станции повредили нашу внешнюю антенну. Вполне вероятно, что есть и другие повреждения. Если не куски станции, так ударная волна могла достать нас. Самое безобидное последствие – разгерметизация, потеря кислорода. Мы слишком усердно начали горевать о нашей незавидной доле, совершенно не пытаюсь спасти себя. Поэтому я предлагаю следующее. Каждому из вас я выделю сканер для дефектоскопии и сектор осмотра. Задача: обследование помещения, сканирование внешней обшивки модуля, выявление повреждений внутренних конструкций, перепись всего, что может оказаться полезным для выживания.

– Значит Взбрык, тебя все-таки достал, – говорит Маринг.

– Я никого не доставал и не достаю! Если кто-то не желает сделать хоть что-то, чтобы продлить свою жизнь...

– Довольно, – гремит Люч. (Вот чем он мне нравится, так это умением гасить скандалы в зародыше. У меня было много начальников, но такой... впервые.) – Если вопросов нет, займемся делом. В центре контроля Сергей выдаст каждому сканеры и обозначит фронт работ.

Мне лень, но я встаю из кресла и иду в свою каморку.

Центр контроля – это громкое, официальное, название небольшой комнатки, где стоят контрольные приборы, датчики, куда стекается вся информация о жизни жилого модуля. Это его маленький мозг. Хотя нет. Это не мозг. Зеркало.

Через полчаса мы расползаемся по палубам и начинаем обшаривать все закоулки, обнюхивать все стены. Я дал команду компьютеру, чтобы тот прибавил освещение. От результатов осмотра зависит наша жизнь.

Мне досталось левое крыло третьей палубы.

Время летит незаметно. День скатился к вечеру. У лестницы на вторую палубу я встречаю Дельфа. Он заметил меня, подходит. Выглядит уставшим. Спрашивает:

– Как успехи?

– У меня чисто.

– У меня тоже. Полный порядок. Это ты правильно придумал. Им нужно чем-то занять голову. Отвлечься. Я сегодня зашел в санчасть... Как раз перед общим собранием. Застал за компьютером Люча. Чем озадачен, спрашиваю. Да так, говорит, проверил результаты последнего медосмотра. Тех, кто остался в живых. Я занялся своими делами. На всякий случай подготовил аппаратуру для реанимации, инъекции, физраствор. Люч ушел, а у меня подозрение появилось. Зачем ему карта медосмотра? Глянул отчет о запрашиваемой информации. Он смотрел молекулярные карты членов экспедиции, структуры ДНК, химические реакции на совместимость материй, показатели аминокислот, биохимические платформы.

– Хочешь сказать, что Люч искал, кто кого сможет без труда переварить, – говорю я. – Что тут странного? Он должен удержать в руках остатки экспедиции. А какой сейчас вопрос всех интересует больше всего? Пищевая совместимость. Кого-то с голодухи, кого-то

со страху. Дернул же черт Дершога за язык... Страх это... Это как обвал в горах. Со временем только нарастает. Если Люч потеряет контроль над ситуацией...

– Либо Люч по четыре раза просмотрел файлы, либо их смотрели еще трое. Одни и те же файлы запрашивались несколько раз.

Я вспомнил Маринга и Патакона. Я видел их у компьютера. Одного по пути в библиотеку, другого когда возвращался.

– И что, полистав твои файлы можно сделать достоверный вывод?

– Да. Но только медику или химику. Тебе эта информация ничего не расскажет. Это очень сложно для непосвященного.

«Из коллег в полученной информации смогут разобраться трое: Патакон – он химик, Люч – биолог, и конечно же Дельф. С Патаконом все понятно... Он просто боится за свою шкуру. Он хочет знать, кто для него опасен. Люч – тоже вроде все ясно. Дельф? Зачем он мне все это рассказал? Я всегда относился к нему с симпатией, но сейчас это не имеет никакого значения. Как говорят у нас на Земле, своя рубашка ближе к телу. Господи, только бы не было свары. Мы живы пока доверяем друг другу».

После осмотра в кают-компании слушаю отчеты. Как будто все в порядке. В посадочных капсулах действительно был трехдневный запас питьевой воды. Двенадцать литровых цилиндров с водой перенесли в каюту Люча. Это очень хорошо. Это просто прекрасно. Значит его авторитет пока что вне сомнений.

«Время ужинать, – подумал я и улыбнулся своим мыслям. – Ужинать... Что я собираюсь назвать ужином? Универсальную белковую пищевую добавку?»

Мы сидим в столовой. Смотрю на коллег. Они устали. Это прекрасно. Градус агрессии на сегодня сбит. Сейчас они расползутся по койкам. Мне передают пластиковый стаканчик с серой слизью питательной биомассы. Еще неделю назад ее добавляли в пищу для калорийности. Мы морщились от ее неаппетитного вида, спрашивали можно ли обойтись без нее. Теперь рады, что она осталась. Беру чайную ложку и начинаю маленькими порциями отправлять биомассу в рот. Неспешно рассасываю, тщательно растираю языком по небу. Вся надежда на иллюзию насыщения.

Украдкой поглядываю на Маринга. Ходили слухи, что на Дильбидоке разбойничающие группы риарвонов пожирали людей, когда те попадали в их лапы. Глядя на Маринга веришь в это очень легко.

– Ты не хочешь объявить результаты осмотра?

Поднимаю глаза, смотрю на Взбрыка. Он, конечно, большой кузнечик, но и у него когда-то должен кончиться завод. Боюсь, не доживу до этого светлого дня.

– Слушай, ты меня действительно достал, – отвечаю я грубо. – Чего ты еще не знаешь? Нашли двенадцать литров воды. Результаты дефектоскопии положительные. Если бы было по-другому, ты бы уже об этом знал и бился головой об стену. Что ты еще от меня хочешь? Чтобы я дал тебе гарантию, что прилета спасательной партии ты дождешься живым и здоровым? Да! Я даю тебе эту гарантию! Но только при одном условии. Если ты заткнешься. А иначе я выдерну тебе лапы. Хоть кто-то будет со жратвой...

– Сергей, – на этот раз Люч упустил момент и среагировал слишком поздно. – Прекрати. Мы все нервничаем. Нам всем нелегко. Постарайтесь быть снисходительными друг к другу. Если мы начнем злиться друг на друга... Это будет началом конца. Все запомните. Наша сила в единстве. Только сообща мы сможем выжить. Только сообща. – Люч снова смотрит на меня. – Ты мой заместитель. Ты не имеешь права давать волю эмоциям.

– Извини, – неожиданно и тихо говорит мне Взбрык. – Я действительно психую. Люч прав. В создавшейся ситуации это может быть опасным. Прошу всех простить меня. Мы должны доверять друг другу и не поддаваться панике.

– Послушайте, – говорит Дершог. Он что-то вспомнил и явно доволен собой. – Как же я сразу не сообразил... Дельф. В санчасти есть ячейки для трупов... В морге. Год назад их заменили новой моделью.

– Теперь жмурам лежать значительно комфортней, – шутит Патакон, но сам не смеется.

– Ты прав, – продолжает Дершог, ничуть не смущаясь. – Раньше они работали как обычные морозильники. Сейчас же это полноценные камеры для гиперсна. Так?

– Значит... нам незачем мучиться, – Взбрык поражен этим открытием.

Все смотрят на Дельфа. Он молчит. Сложно понять, что происходит в его голове. Или он никогда ранее об этом варианте не задумывался, или же пытается подобрать более мягкие слова, чтобы объяснить нам несостоятельность этой идеи.

– Теоретически... это возможно, – вздыхает Дельф и облизывает ложечку.

– А практически?

– А практически никто никогда этого не делал.

– Я согласен быть первым, – говорит Взбрык.

– Подождите, – говорит Люч. Он готов рассмотреть любой вариант на спасение экспедиции. Кажется, этот не самый бредовый. – В чем проблема, Дельф?

– Проблема в том, что у камер хранения в морге отсутствуют системы контроля и жизнеобеспечения. Они просто не предусмотрены. Сейчас все объясню. Зачем вообще они были разработаны. Если живое существо все-таки не умерло, а находится в глубокой коме, я в состоянии определить это при помощи средств санчасти, анализатором жизни проверить биотоки мозга. Но если у него болезнь «звездного странника», которая возникает из-за частых переходов через гиперпространство... Изменение гравитации, биологического ритма, спектра излучений ближайших звезд... Это очень важно для жизни. Симптоматика – полное отсутствие признаков жизни. Так вот, у меня нет оборудования, чтобы определить эту заразу. Глубокая заморозка такого пациента убьет. Новые модели камер хранения защищают тело от разложения, не прибегая к глубокой заморозке. Смысл в том, чтобы доставить его до настоящей клиники и провести полный спектр анализов. Но нет никакой гарантии, что если в камеру поместить абсолютно здоровый объект и ввести программу хранения, то по прибытии он останется жив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.